

paradigm of education, which is universal in its nature, constantly needs synthesis, dialogue of cultures as a substantial source of enrichment and development of a personality, forming of common values in it.

Keywords: *democratization of education, Bologna process, common values.*

Кода Н.В.

Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ В КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Статья посвящена исследованию таких парадоксов восприятия времени в коллективном сознании средневековой Европы как сосуществование циклического времени аграрного общества в противовес линейным схемам церкви и зарождающегося города, а также феномен не-значительности и не-реальности времени наряду с грядущим царством вечности. В статье рассмотрена проблема восприятия времени как «кончающегося времени» в связи с датированным концом света. Указанных проблем касались такие исследователи Средневековья как Ж. Ле Гофф, М. Бахтин, А.Гуревич, Й. Хейзинга, М. Блок, на работы которых мы опирались в нашей статье.

Ключевые слова: *время, Средние века, сознание, коллективное сознание, религиозное сознание, цикличность, вневременность, безвремяе.*

Актуальность темы.

От особенностей восприятия времени во многом зависят существенные характеристики человеческой жизни, бытийственные основы существования индивида и его отношения к миру. В этом аспекте изучения понятия времени период Средневековья имеет непреходящий научный интерес, обусловленный особенностями социально-культурной и духовной жизни средневекового общества, в котором продолжало одновременно существовать восприятие цикличности времени, сформированное при родовом строе, с пониманием линейности времени, его взаимосвязи с причинно-следственными зависимостями, понимание конца времени и постепенного формирования внутреннего психологического времени. Изучение парадоксов восприятия времени в средние века продолжает оставаться актуальным для теоретического осмысления не только философии, но и культурологии, истории, социологии, обществознания, поскольку все выше названные формы восприятия времени продолжают существовать и в настоящее время, приобретая свои специфические особенности, связанные с феноменами XX – XXI веков.

Анализ исследований и публикаций. В нашем исследовании было охвачено несколько противоречивых и парадоксальных аспектов восприятия времени коллективным сознанием Средневековья, опираясь на работы Ж. Ле Гоффа, М. Бахтина, А.Гуревича, Й. Хейзинги, М. Блока.

Целью нашего исследования является наиболее полное раскрытие особенностей восприятия времени средневековым коллективным сознанием, включая противоречивые и парадоксальные его аспекты.

Разноплановое время – сосуществование разных систем летоисчисления.

Средневековый человек по жизненному укладу человек аграрный, и если даже не аграрный, а мастерской города, то в любом случае «человек группы» – и, говоря о средневековом человеке, мы характеризуем общий тип, а не возможного индивида, так как его, «неделимого», тогда не могло быть. То, что средневековый человек преимущественно человек аграрный [7, с.167], значит, что время для него циклично, а то, что он «человек группы» (а этих групп-сословий было некоторое число) означает что разные временные системы, специфично характерные для каждого сословия, наслаивались друг на друга и существовали самостоятельно наравне друг с другом, как если иногда и пересекаемые, но в целом не пересекаемые линии. «Вместе с крестьянским временем выступали и другие формы социального времени: время сеньориальное и время церковное (...) обозначение того или иного дня зависело от различных хронологических систем, которые сосуществовали в сознании средневекового человека» [7, с. 166 - 169].

Ж. Ле Гоф пишет о разных системах времяисчисления, которые сосуществовали в Средневековье так же как сосуществовали сословия – каждое со своими собственными правилами, часто противоречащими всем остальным. Учитывая возраст самого Средневековья, условно разделим время на: сеньориальное, церковное, крестьянское, городское, время-безвременье народного карнавала (веселое время [1, с. 243], в котором по словам М. Бахтина средневековый человек мог прожить около трех месяцев в году). «Празднества карнавального типа занимали (...) очень большое место в жизни средневековых людей даже во времени: большие города средневековья жили карнавальной жизнью в общей сложности до трех месяцев в году» [1, с. 18].

Сеньориальное и крестьянское время сильно зависело от времени природного. Крестьянское восприятие времени было ближе всего к природному, так как в связи с их жизнедеятельностью наиболее зависело от природных циклов. Сеньориальное же время зависело от природного, во-первых, потому что было временем военным – а воевать старались преимущественно в теплое время года по экономическим причинам, во-вторых, зависело от взноса крестьянских податей, которые взимались после сбора урожая. «Вехами годичного времени были большие праздники, и некоторые из них аккумулировали чувство времени крестьянской массы: это праздники, к которым приурочивались натуральные оброки и денежные платежи. Даты взносов варьировались в разных районах и сеньориях, но в хронологии взносов выделялся общий период – конец лета, когда после сбора урожая взималась основная часть податей.(...)»

Церковным же время было потому, что только духовенство умело измерять его» [7, с. 170]. Церковное время занимает главенствующую роль в временных схемах Средневековья. Во-первых, потому что время было наиболее не безразлично именно церковным хронологам – «жизнь Христа разделила историю на две части, на этом событии основывалась христианская религия; отсюда и склонность, более того, чрезвычайная чувствительность к хронологии» [7, с. 165]. То есть в установлении

временной дорожки церковные хронологи были наиболее заинтересованы. И это было время не столько происходящее, сколько привязанное к произошедшему – ведь библейские события были частью реальной происходящей истории и любая хронология начиналась именно с них. Также потому что в силу своей деятельности церковное сословие было наиболее близко к абстрактному мышлению, понятию времени они придавали большее значение, чем иные сословия средневековья. Однако от церковного сословия исходили не только хронологии и пристрастное, дотошное датирование, но также ориентиры времени дня – ведь колокол единственное, после петуха, что могло засвидетельствовать крестьянам который нынче час, иных ориентиров у средневекового человека не было в промежуток дня между рассветом и закатом. И колокол оставался занимать свое почетное и преимущественное место и в XIV веке, когда в городах механические часы и утренняя труба стражников начала определять жизнь городского населения, когда мирское время башенных часов начало теснить время церковных звонниц. Однако церковное время так же зависело от природного, и установление дат литургического года согласовывалось с основными сельскохозяйственными веками.

Кроме того, для церкви и аристократии «временные и пространственные меры были орудием социального господства (...) Подобно тому как в деревне и в городе шла борьба вокруг мер емкости, которые определяли рационы питания и уровень жизни (за и против сеньора и городских властей), так и мера времени была ставкой в борьбе, которую вели за нее господствующие классы: духовенство и аристократия. Как и письменность, мера времени оставалась в течении большей части Средневековья достоянием могущественных верхов. Народная масса не владела собственным временем и была неспособна даже определить его. Она подчинялась времени, которое предписывали колокола, трубы и рыцарские рога» [7, с. 167].

Однако средневековая культура была прежде всего культурой аграрной, хоть и с наслоением остро религиозного виденья мира, а аграрным культурам присуще цикличное восприятие времени. То, что аграрный уклад сразу указывает на цикличность времени, просто и понятно – природа перерождается каждый год, при отсутствии калькулятивного (исчисляемого однородными цифрами) времени, присущего всему Средневековью и всей Древности, «качественное время» первым делом скажется в изменениях природных циклов. Даже «весь литургический год был согласован с природным ритмом сельскохозяйственных работ» [7, с. 171]. Время, переживаемое коллективным разумом как разноплановое: литургическое (церковное), сеньориальное и аграрное (циклическое) время, как будто уходит на второй план, как будто упраздняется, и постоянство, неизменность и единство вещей празднуют победу над их изменчивостью.

Восприятие времени цикличным означает, что средневековые люди ощущали перерождение действительности с продолжительностью в год – в перерождении нет ни нового ни старого – старое перерождается в новое, новое перерождается в должное, т.е. старое, все во всем и все все пронизывает. Движение по циклу есть торжественное воплощение единства действительности. Единство мира означает то, что его содержание не меняется, и постоянство его уже изменившихся компонентов празднично обновляется обратно в постоянство. «Ритуал и образы праздника стремились разыграть как бы самое время, умерщвляющее и рождающее одновременно, переливающее старое в новое, не

дающее ничему увековечиться» [1, с. 95]. Приход Нового Года для средневекового человека был бы празднованием года как такового с праздничным утверждением древнейших оснований мира. Единство мира в его прошлом, как сущностном, и теперешнем, в его умирающем и рождающемся, М. Бахтин называет «двутелым миром», в котором каждое из «тел» мира чревато вторым «телом», содержит его росток и его условие [1, с. 183].

Однако циклическое мировосприятие аграрной культуры сосуществует, может весьма противоречиво, с религиозным сознанием. В циклическом и карнавальном мировосприятии человек празднует победу над временем в принадлежности своей сущностной компоненте – в своей принадлежности вечному как бы через само время. Время здесь родное, и действительность – родная. Действительность действительна, и этот мир обновляем не только как «этот» но и как «мир вообще». Человек через «сейчас» присущ «всегда», через свое тело и свое конкретное материально-телесное окружение мира присущ всей материальной вселенной, и всей материальной вечности вселенной. Однако религиозное сознание исключает человека из земного мира как действительного, человек присущ вечности вопреки времени, а не через него. Религиозное сознание разделяет и взаимоисключает время и вечность, сущность и становление, телесное и небесное. Если они и говорят друг о друге, то только в ущерб друг другу.

Таково восприятие времени средневековым коллективным разумом, но, если окинуть взглядом Средневековье уже с расстояния нашего времени, то становится видно, как, вопреки самому себе, Средневековье пронесло сквозь время вечность, и, именно через жизнь в своем времени принадлежало, наиболее чем когда либо в истории, вневременному и вечному.

Жизнь на границе, переломе времени и вечности в состоянии «вот-вот».

Средневековый человек чувствует себя на пороге конца этого мира. Для него существование этого уклада вещей, явлений, событий и даже этого облика человека вот-вот перевернется и зыбкий сон этой реальности, вот-вот развеется перед реальностью истинной. Трудно представить, каким должно быть сознание, которое живет в вечном состоянии «вот-вот», постоянно ощущая преддверие крушения этого мира. Средневековый человек представлял свою жизнь как жизнь на переломе двух миров – земного и небесного, не только в ценностном отношении, но и в отношении своей реальной истории. Собственно, даже мы, судя о двух кардинально и основательно различных эпохах, придаем больше значения их «сущностно» различным особенностям, их качественному измерению, а не различию их временных координат, хоть и сознаем за ними единую ткань временного полотна истории. Так что же можно говорить про средневекового человека, который живет на изломе и перед которым вот-вот начнет крушиться мир. Будущая, новая и более подлинная действительность всецело занимает его голову, и становится незачем развивать эту действительность, тем более что она мнительная и вот-вот прорвется. Средневековый человек стоит на границе времени и вечности – в его «чувстве» жизни *скоро закончится не «это время», а время вообще.*

Ожидание второго пришествия не есть «линейным временем», как принято считать, а есть его отрицанием, его окончанием и его подводящей чертой; иначе нам стоило бы назвать его «отрезковым» временем, необходимо заканчивающимся, ведь

линия предполагает бесконечное продолжение вперед. А средневековые стремились назад, и лучшее было в прошлом, и было возможным только как возвращение прошлого. «Золотой век средневековых людей лежал у истоков прошлого. Их будущее было давно прошедшим. И они продвигались вперед с обращенным назад взором» [7, с.183]. Собственно, лучшее как прошедшее знает еще древность. Но для древних людей прошлое было все же временем, кардинально не отличным от времени происходящего, просто давно минувшим. Для средневековых же людей возвращение назад есть возвращением к Богу. И возвращение к прошлым временам есть возвращением к безвременью и вечности, к своему далекому небесному отечеству. Не к «прошлым временам», а к их отсутствию.

Датированный конец света

Что касается датированного предстоящего конца света, то средневековый человек жил в вечном преддверии его. Даже в Средневековье для него было некоторое количество дат. Но так как крестьянский люд не часто знал какой нынче год, и, более того, что он знаменует, а летоисчисление велось по разным источникам, то массовые психозы по поводу конца света волнами охватывали разные деревни время от времени, без единой определенной даты. «К концу первого тысячелетия вся Европа не затрепетала вдруг, чтобы тут же успокоиться, когда прошла роковая дата. Однако – а это, возможно, было еще хуже – волны страха набегали почти непрерывно то здесь, то там и, утихнув в одном месте, вскоре возникали в другом. Иногда толчком служило видение, или большая историческая трагедия, как в 1009г. разрушение Гроба Господня, или же попросту свирепая буря» [2, с.149]. Набегающие волны страха перед концом времен и концом света ярко свидетельствуют о том, что средневековый человек жил не только во времени но и в «безвременье». Отрицая реальность времени, человек чувствовал, что сквозь пелену времени его будет судить подлинная реальность, и от этой разорванности помеж двух миров и боязни за изначальную греховность и грехи совершенные, средневековый разум охватывал панический страх. Таким образом, эмоционально средневековый человек за жизнь мог прожить не один наплыв панического ужаса перед концом света, который вот-вот и произойдет (а в голове происходит уже сейчас), а десятки. Это свидетельствует о том, что эту конечность времени он не только предполагал, но и переживал не как «раз – и время закончилось», а постоянно. Время кончалось в средневековом коллективном сознании, можно сказать «ежесекундно». Потому превратилось из события в определенное душевное состояние, что, наряду с эмоциональным переживанием всеобщей неустойчивости мироздания и постоянных душевных переломов и надрывов, связанных с постоянными крайностями тогдашней жизни, порождало удивительно смешанное чувство времени, в ощущении его одновременно и циклическим и перерождающимся, и одновременно неподлинным и тленным. Но в связи с тем что человек в нем все же находится – страшным от того, что как бы «заканчивающимся». Время средневековым человеком чувствуется как «время заканчивающееся». И этот постоянно переживаемый конец делал человека еще более тревожным.

Время как символ. Не-самостоятельность времени. Не-полнота реальности времени.

Все настоящее существовало за миром и за его измерениями, вещи – лишь символы и проявления иной сферы, настоящее – лишь видимость, время – лишь пустая «длящность», даже не существующая на самом деле, в то время как истинно существует вечность. Время как представление, как нечто не ощущаемое, а представляемое, отделенное и вынесенное за пределы сплошного слепого переживания жизни, не являлось ни чем иным, как таким же предметом, как и все иные предметы, а, так как все предметы суть символы чего-то, стоящего свыше, то время являлось таким же символом и такой же видимостью как и все остальное. Время, выступающее как понятие, в голове средневекового человека было символом.

Время, как основание всего проходящего, а все проходящее как основание всего недействительного, выступало символом, через который человек должен был понять истинное предназначение вещей, событий и всего существующего. Именно через замечание пустой изменчивости мира, «проходящести» и тленности всех земных созданий – существ и вещей и явлений средневековое сознание понимало, что это никак не может быть истинным, как не может быть истинным ничто проходящее, а тем более то, суть чего заключается в вечном движении, как время. Именно так понимаемая природа времени, через обостренно выраженную в нем суетность показывает что оно не значительно, а значительно то, что скрывается под ним, ему противоположное – вечное и божественное. Действительно, почти все зримые вещи так или иначе вели на небо. Одни – через отрицание их (как время), из-за своей четко-отрицательной природы то есть ярко выраженной «проходящести», другие – через уподобление и опосредование (как, например, иконы и прочие вещи, являющиеся проводниками к божественному).

Но если средневековый человек отрицательно и относился к изменениям, то чаще всего они для его взора просто обладали «не-видимостью». Время заметно через изменение, средневековый же ум напрочь не хотел видеть изменения – то, что мы назвали бы изменением, он назвал бы повторением вещей. Учитывая же то, что действительность вокруг средневекового человека в самом деле менялась не быстро, изменения средневековому уму преспокойно удавалось игнорировать. Что, наряду с всеобщей ненавистью ко всему новому, а «новшество считалось грехом» [7, с.303] ведь «...оно подвергало опасности экономическое, социальное и духовное равновесие» [7, с.188] – складывалось в ладную картину неизменности и брэнности всего мира. Это, однако, было ненавистью не к изменению прежних вещей (ведь изменение не может уловить средневековый разум, а если и улавливает – то как доказательство не подлинности, недостаточной реальности вещей и явлений), а к новым неведомым сущностям, которые из-за новизны своей по определению вредоносны.

Выводы

Итак, по жизненному укладу средневековый человек есть человек аграрный с циклическим ощущением времени, а по жизненным ориентирам – а важнейшим ориентиром было приближение к божественному, сущностному, то есть противоположному временному – с утверждением за временем неполноты реальности и нивелированием его. Во-первых, как ничтожности перед лицом вечности и Господа, а, во-вторых, как обыкновенного проводника и вещи-символа иной символизируемой подлинной сферы. Так время, как нечто обитающее на земле и являющееся мерилom

земных событий являлось тем, чему было отказано в истинной подлинности и что как самодостаточная сущность существовать не могло. Из этого возникает такое явление, когда отношением ко времени является упразднение его.

Если мы представим коллективное сознание как сознание одного организма – просто организмом будет выступать весь народ – то сможем сказать, что время для него было субъективным, без стремления к тому чтобы сделать его объективным. И время было скорее «временем переживаний», а не «временем явлений».

Однако средневековый человек, живущий в веках и минутах, но принадлежащий в своих устремлениях царству вечности, сам того не желая, наиболее ярко показал как через время просвечивает вечность. Говоря о том, что небесное вне земного, а вечное вне временного – но сам будучи во времени – средневековый человек способом жизни, вопреки своему же мнению, показал как, наоборот, вечность проступает «сквозь» время, будучи «в», а не «вне».

Литература:

1. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543с.
2. Блок М. Феодальное общество / М. Блок. – М.: Изд-во. им. Сабашниковы, 2003. – 504с.
3. Гуревич А. «Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции / А. Гуревич // Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – С. 352- 373.
4. Гуревич А. Категории средневековой культуры / А. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм – М.: Канон, 1996. – 432с.
6. Леви-Брюль Л. Сверхестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 608с.
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376с.
8. Спиркин А. Происхождение сознания / А. Спиркин. – М.: Гос. изд-во полит. литер., 1960. – 472с.
9. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208с.
10. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; вступ. ст. Н.С. Автономовой. – М.: Прогресс, 1977. – 488с.
11. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга ; Пер. с нидерл., ред. и послесл. Г. М. Тавризан. – М.: Прогресс, 1992. – 464с.
12. Хейзинга Й. Осень Средневековья / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – 416с.

A n n o t a t i o n

Koda N.V. The perception of time in the collective consciousness of medieval Europe.

The article is dedicated to research of such paradoxes of perception of time in collective consciousness of medieval Europe as a coexistence of cyclic time of agrarian society in a counterbalance to the linear schemas of church and coming city, and also the phenomenon of in-significant and un-real of time close with the coming reign of eternity. In the article the problem of perception of time as "ending time" in connection with the dated doomsday is

considered. Indicated problems were investigated by such researchers of middle Ages as J. Le Goff, M. Bakhtin, A. Gurevich, J. Huizinga, M. Bloch. Author used their works in this article.

Keywords: *time, Middle Ages, consciousness, collective consciousness, religious consciousness, cycles, timeless, timeless.*

Яценко А.Ю.

Николаевский национальный университет имени В. А. Сухомлинского

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Статья посвящена изучению проблем современного образования по формированию ценностных ориентиров личности. Проводится анализ образовательных ценностей согласно с принципами классического реализма, эссенциализма, перенниализма, аналитической философии и экзистенциализма.

Ключевые слова: *образование, ценности, личность, общество, духовность, аксиология, технократический подход, гуманизация, социальная значимость образования.*

Постановка проблемы в общем виде. Долгое время предмет «аксиология» подменялся онтологическим спектром рассмотрения, поскольку подлинное бытие могло происходить только в системе истинных ценностей. Однако современная аксиология не ограничивается данным аспектом, поскольку ее задачей является рассмотрение ценностей влияющих на формирование общества и отображение механизмов создания ценностей. В системе образования формируется образ личности, поэтому исключительно важными являются передаваемые ценности. В тенденции гуманизации образования также заложены ценности, в этом случае человек выступает объектом реализации самого гуманизма, его жизнь и деятельность является непререкаемой ценностью. Образование – необычайно важный критерий самореализации человека в обществе. Это то, что определяет его статус, влияет на перспективы трудовой деятельности, позволяет отнести к той, или иной социальной группе.

Целью данной статьи является рассмотрение проблемы ценностных ориентиров в современной образовательной системе, анализ основных образовательных ценностей в рамках различных философских течений.

Анализ основных исследований по теме включает труды, посвященные рассмотрению проблемы ценностей в философии образования Э.Н. Гусинского, В.А. Лекторского, Б.О. Майер, Н.И. Макаровой, аспект духовности был представлен исходя из работ В.В. Зеньковского, К. Льюиса, И. Рацингера.

Изложение основного материала. Рассмотрение ценностей в образовании необходимо начать с рассмотрения двух существующих подходов к образованию. Выделяют два приоритетных направления исследования образования [6, 169-170]: